

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ: ВЫЗОВ ВОСТОКА?

Серия терактов августа-сентября 2004 г. в России, особенно гекатомба Беслана, привела руководство страны к выводу о том, что против нашей страны ведется война, но война нетрадиционной формы. Теракты, все без исключения, совершались людьми, чья национальность и вера относит их к цивилизационному полю Востока, несмотря на то, что большинство из них являются гражданами России, государства, не относящегося к числу восточных. Справедлив ли будет вывод о том, что войну против России ведет именно Восток: как Восток внешний (арабский), так и внутренний (Кавказ)?

Однако вначале рассмотрим форму осуществления боевых действий против России. Это так называемая асимметричная война, т.е. война, которую ведет против государства не государство (симметрия), а террористическая структура (в чем и заключается асимметрия). Ни по структуре, ни по функциям, ни по совокупной мощи негосударственные акторы не признаются современной наукой равными, симметричными государству как политическому институту. О начале эпохи асимметричных войн специалисты немедленно заговорили после терактов в США в сентябре 2001 г. [2]. Были определены основные параметры этого типа войн, наличие которых меняет и основные параметры современного политического мира.

После терактов в США в сентябре 2001 г. стало понятно, что отныне геополитическое значение ТНПО сравнялось со значением такого примордиального геополитического актора, как государство. Более того, выяснилось, что государство конца 20 века не дает достаточной защиты от террористических НПО (в терактах в США была обвинена экстремистская исламская организация «Аль-Каида»). Привычное для традиционной геополитики противостояние государств заканчивается изменением или уничтожением одного из государств-антагонистов, но в случае с противостоянием государства и ТНПО перевес оказывается на стороне НПО, т.к. оно «везде и нигде», а кроме того, не связано, как государственные структуры, необходимостью осуществлять сложные и требующие определенного времени юридические и политические процедуры для принятия и реализации решений. Асимметричные войны отличаются также закрытостью политических целей, о которых можно лишь догадываться, а также полной невозможностью юридически доказать причастность какой-либо НПО или конкретного лица к организации и иницированию войны.

Таким образом, привычными для «цивилизованного мира» методами эффективно бороться против ТНПО невозможно. В связи с этим подчеркнем, что попытки России противостоять террористической угрозе с помощью военных операций на собственной российской территории и обвинения со стороны российских должностных лиц в адрес главарей незаконных вооруженных формирований в организации и проведении терактов оцениваются

Наталья Александровна Комлева, доктор политических наук, профессор кафедры истории политических учений Уральского государственного университета, факультет политологии и социологии.

«цивилизованным сообществом» весьма скептически. Военные действия против незаконных вооруженных формирований объявляются отступлениями от принципов демократии и нарушением прав человека, прежде всего мирного населения. Обвинения против конкретных лиц должны быть оформлены юридически, что, подчеркнем еще раз, в отношении комбатантов асимметричных войн чрезвычайно сложно сделать. Но, несмотря на вполне юридическую форму претензий со стороны России в отношении А. Закаева, Великобритания отказывается выдать его российскому государству для осуществления судебного преследования согласно российским законам.

Асимметричные войны иногда ведутся не вооруженными силами и не оружием в привычном смысле этого слова. Межконтинентальный удар стратегического масштаба, причинивший неприемлемый ущерб, был нанесен террористами-камикадзе, которые захватили обычные пассажирские «Боинги» и таранили небоскребы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. Этот тип войны не связан с так называемой «новой революцией в военном деле» (НРВД) в смысле использования технологий или вооружений, но это ответ на НРВД и осуществленные странами Запада «бесконтактные войны» в Югославии и Ираке. Августовские теракты 2004 г. в России включали, помимо прочего, захват и подрыв в воздухе гражданских самолетов. Но эти взрывы были направлены не только и не столько против непосредственных жертв теракта, сколько против самого по себе российского государства как целостной и действенной структуры. Так же, как и теракты сентября 2001 г. в США.

Методы ведения асимметричных войн со стороны нападающих чрезвычайно трудно предусмотреть: можно определить их возможный спектр, но какой метод, когда и где именно будет применен — вычислить нельзя. Поэтому и эффективность противодействия нападению в асимметричных

войнах очень низкая. Требуется громадное, невиданное до этого в истории, финансирование и развитие всех видов разведки и такой ее составляющей, как агентурная работа. Причем внедрение агентов в террористические организации современности – дело обычно затруднительное, т.к. они строятся по принципу микро-коллективов, каждый из которых не знает другие коллективы, и работают по кодовым сигналам через почту или Интернет. Многие подобные террористические организации включают в себя только клановых родственников или жителей одной деревни, которые знают друг друга с детства и биография которых прозрачна. Неслучайно асимметричная война, начатая против США в сентябре 2001 г., застала врасплох не только спецслужбы страны, но и ее руководство. Что касается России, то агентура КГБ, как это признается ныне рядом политиков и ученых, была почти полностью разрушена в 90-е годы. Финансирование ФСБ до 2001 г. было не просто недостаточным, но, по признанию ее главы, осуществлялось лишь на 50% от реальной потребности. Лишь с 2001 г., да и то не столько под влиянием внутренних угроз, сколько по причине необходимости проявления солидарности и сотрудничества с США в рамках антитеррористической коалиции, финансирование ФСБ было увеличено и агентурная сеть начала постепенно восстанавливаться.

Акты асимметричной войны против США были разработаны и осуществлены таким образом, чтобы сработал, прежде всего, психологический эффект: мишенью были выбраны национальные символы страны, а неизбежные прямые трансляции CNN и других телеканалов по всему миру фактически дали терактам глобальную рекламу и продемонстрировали глобальный и превосходящий характер мощи неизвестного (или неизвестных) НПО. Акты асимметричной войны против России в 2004 г. также были, прежде всего, рассчитаны на психологический эффект того же типа: на демонстрацию бессилия государственной машины и конкретных политических руководителей.

Главное же оружие асимметричных войн – анонимность зачинщиков и исполнителей. США пришлось «назначить» врага нации №1 – бен Ладена – и бомбить страну, где он находился. Но обычное или высокоточное оружие бессильно против терроризма. Штамм спор сибирской язвы, рассылавшийся в США осенью 2001 г. по почтовым отделениям, СМИ и госучреждениям, произведен на территории США. Кто его произвел, кто и кому передал, кто конкретно осуществлял рассылку спор – неизвестно, и удары крылатых ракет по Афганистану в этом случае не помогут, как и агрессия американского государства против Ирака.

Симметричный ответ на асимметричные военные угрозы потребует не только новых принципов организации вооруженных сил, специальной и финансовой разведки, но и новых принципов международного сотрудничества и новых межгосударственных союзов. Пока же мы видим – в американо-британской войне в Ираке – действия на базе старых принципов: «сила солому ломит» и «свой своему поневоле друг». Воспользовавшись справедливым негодованием общественности по поводу террористических атак на американские города, США и Британия под предлогом развития наступления на центры международного терроризма ставят под контроль важные источники

сырья и стратегические коммуникации. Озарение «цивилизованного мира» относительно необходимости ограничения демократии в случае борьбы с ТНПО продвинуло вперед и процесс осознания правомерности силовых методов борьбы, которую Россия ведет с чеченским терроризмом. При этом Запад устами президента и госсекретаря США призывает различать в Чечне борцов за национальное освобождение и террористов и соответственно по-разному к ним относиться: с борцами переговоры, с террористами война. После Беслана российский президент объявил о намерении осуществить ряд изменений в политической системе страны для осуществления более эффективного противостояния террористам. В свою очередь, не передоверяя, как обычно, эту роль госсекретарю Пауэллу, Дж. Буш сам выступил с осуждением намечающихся Россией контрмер, заботясь о судьбе российской демократии, которая может претерпеть ограничения. Таким образом, внутри антитеррористической коалиции государства, встречающие один и тот же вызов, в реальной действительности наделяются как бы разными правами относительно форм ответа на этот вызов и, как в известной современной поговорке, среди формально равных партнеров по коалиции одни «оказываются равнее, чем другие».

Как уже было сказано, один и тот же вызов встает и перед мощнейшей державой современного мира – США, перед Западом в целом, и перед ослабленной постъельцинской Россией. Является ли этот вызов вызовом Востока?

Задолго до событий сентября 2001 г. в США и событий 2004 г. в России специалисты в области геополитики предсказывали подобное развитие ситуации, хотя никто не угадал конкретной формы его реального проявления.

Ж.Аттали, бывший директор Европейского банка реконструкции и развития, еще в 90-е годы 20 века утверждал, что основной конфликт современности – это противостояние «богатых кочевников» и «бедных кочевников». Под «богатыми кочевниками» Аттали подразумевал жителей стран «золотого миллиарда», путешествующих в поисках острых ощущений, а под «бедными кочевниками» – людей из развивающихся стран, слоняющихся по миру в поисках работы, обеспечивающей минимальный прожиточный уровень. Последние ненавидят «богатых кочевников», и их ненависть подогревается демонстрацией по ТВ и в Интернете картин роскошной жизни «кочевников». В конце концов, как предсказывал Аттали, это может вылиться в глобальный ядерный, химический или биологический терроризм «бедных кочевников» и их матричных стран.

Российский ученый А. Неклесса в конце 90-х также писал о некоем «импульсе разрушения», который может вырваться когда-нибудь из «зон нищеты». Этот импульс может привести к изменению баланса сил в его традиционном понимании и к дестабилизации стран «золотого миллиарда» [1].

В тот же период времени подобные мысли высказывали и американские ученые. Так, Дэвид Такер [3] видел основного врага западной цивилизации в неких «диких бойцах». Эти бойцы не питают никакого уважения к цивилизованным ограничениям и готовы на что угодно для достижения победы. «Размышляя над своим культурным унижением в богатых нефтью мусульманских землях, эти воины с удовольствием готовы прибегнуть к жестокостям». [3] С. Хантингтон еще в 1994 г. указал на

мусульманскую цивилизацию как на основного врага Запада.

Основного врага христианской цивилизации американские геополитики, в отличие от более осторожных в выражениях европейских собратьев, видят именно в мусульманском мире, т.е. на Востоке. Этот враг — исламский экстремизм. Экстремизм как течение мысли, экстремизм как политическое предпочтение — все это взаимосвязано и выражается в форме исламского терроризма.

Опасность распространения именно исламской формы фундаментализма особенно велика в связи с тем, что, согласно прогнозам, к 2025 г. мусульмане будут составлять до 30% населения Земли (сегодня — 12,4%). [3] Другие авторы называют иную цифру: уже сегодня численность мусульман на планете достигла 19,5%. [4]. Исламские радикалы считают западную цивилизацию излишне ориентированной на материальные ценности и потому — аморальной. Таким образом, корни противостояния исламских радикалов западным ценностям — не в противостоянии бедности и богатства, богатого Севера и бедного Юга, как часто представляют себе западные исследователи. Они — в социально-психологическом ощущении несправедливости мира, в котором бывшие колониальные державы с презрением относятся к развивающимся странам и их народам, нажившись за их счет. Исламские теоретики отвергают глобализацию, считая ее тождественной американизации, т.е. осуществлению глобальной экспансии США и Запада в целом. Таким образом, террористический вызов Западу сегодня главным образом идет с Востока.

Россия не является частью Запада, поскольку, во-первых, сам Запад в лице его политиков и ученых ее таковой не признает, а во-вторых, основные характеристики экономической и политической систем современной России не идентичны западным. Однако Россия входит в «большую восьмерку» и имеет неформальный статус «стратегического партнера» Запада. Поэтому часть исламских радикалов видит и в России врага Востока, тем более что контртеррористическая военная операция в Чечне формально велась против комбатантов мусульманского вероисповедания.

Отметим, что развитые страны поддерживали радикальные исламские организации в годы существования системы социализма, видя в них противовес распространению коммунистической идеологии. Исламский фундаментализм и его разновидности — ваххабизм сегодня используются для геополитического расширения в идеологическом пространстве России союзников США — Турции и Саудовской Аравии — с целью осуществления последующего контроля части физического пространства России (Северный Кавказ, Поволжье, Южный Урал). Распространению этих форм ислама способствует крайняя бедность части населения России и многолетнее господство атеизма, подорвавшего традиции и культуру отправления религиозных обрядов.

Теракты сентября 2001 г. также, несомненно, имели геополитический смысл. Он состоял в том, чтобы показать глобальный характер мощи современных ТНПО — с одной стороны. С другой стороны — продемонстрировать Западу и единственной сверхдержаве США уязвимость и неоднозначность их цивилизационных символов: либеральной экономики (нападение на Всемирный торговый центр)

и всепокрушающей мощи (атака на Пентагон). В частности, так проявилось недовольство навязанной вестернизацией. В более мягкой форме это недовольство выразил один из членов саудовской королевской семьи: «Мы в Саудовской Аравии желаем модернизации, но не вестернизации». [3] Исламские радикалы полагают, как уже было сказано выше, что западная цивилизация излишне материалистична, потребительство заслоняет для западного человека духовные ценности. Ислам же как раз ориентирован, по их мнению, на развитие духовной сферы человеческого бытия.

Страны Запада применяют двойной стандарт в оценке террористических организаций и борьбе с ними. Так, в Великобритании в 2001 г. был принят новый закон о борьбе с терроризмом, но в список террористических организаций, подлежащих запрету, вошли преимущественно структуры ольстерских террористов, а организации поддержки чеченских террористов оказались вне этого списка. При голосовании антитеррористических резолюций в международных организациях, в том числе ООН и ее структурах (например, ЭКОСОС — Экономическом и социальном совете ООН) борьбу России с международным терроризмом на территории Чечни поддерживают преимущественно страны «третьего мира», в том числе и исламские (Индонезия, Оман, Судан, даже Саудовская Аравия), но не страны Запада. Госдепартамент США, публикуя ежегодный список террористических режимов и организаций, до 2003 г. упорно не включал в него чеченские террористические структуры. Только в начале 2003 г. это было сделано, и то из 15 террористических организаций, представленных Россией, в список Госдепартамента США попали лишь три.

Это, естественно, не случайно.

Чеченский сепаратизм и связанный с ним международный терроризм, атакующий Россию, выгоден Западу в деле ослабления России как важного геополитического актора. Ослабленная Россия, в частности, будет отстранена от контроля второго в мире (после региона Персидского залива) нефтяного региона — Центральной Азии и Прикаспия. Независимое чеченское государство, как показывает опыт сентября 1999 г. (агрессия военных формирований Басаева в Дагестане) и сентября 2004 г. (Беслан), не останется в своих границах, а постарается их расширить за счет республик Северного Кавказа, обретя выход сразу к двум морям: Каспийскому и Черному. Гекатомба Беслана, несомненно, имела целью, как заявил президент Путин, «взорвать Кавказ», спровоцировав актуализацию древнего института кровной мести и военные действия незаконных вооруженных формирований на территории северокавказских республик России. При этом актуальным становился бы вариант международного вмешательства, как легитимного, так и теневого, террористического, в общекавказский конфликт. Возможный результат осуществления этого антироссийского плана — фактический распад России по косовскому образцу и формирование реально, а вероятно, и юридически, независимого мусульманского «джамаата» на территории Северного Кавказа с «чеченским сопротивлением» во главе. Последующий выход этого квазигосударства к двум морям позволил бы экономическим и политическим спонсорам чеченской независимости контролировать большую часть нефтепроводов, транспортирующих нефть Прикаспия и Централь-

ной Азии на Запад. Распространение чеченского государства на север — в мусульманские республики российского Поволжья, на Урал и в Сибирь (проект Большого Турана, поддерживавшийся еще Дудаевым) дало бы возможность контроля большинства российских нефтяных полей. Освоение южного направления экспансии — с базой в Панкисском ущелье Грузии — привело бы к контролю всех нефтепроводов, питающих Запад прикаспийской и центральноазиатской нефтью. В условиях постепенного истощения нефтяных запасов и предсказываемой их минимизации к концу 21 века этот геополитический план выглядит логичным. Другое дело, исполним ли он, и является ли он единственным вариантом овладения вторым нефтяным регионом планеты.

Таким образом, импульс террористического вызова, с которым сталкивается современная Россия, исходит не с Востока. Восток, как внешний по отношению к России, так и внутренний, российский, с его социально-экономическими и социально-психологическими цивилизационными комплексами и религиозной спецификой лишь используется Западом для осуществления глобальной геополитической экспансии. Да, сам Запад также страдает от терроризма, встречая вызов Востока, униженного веками колонизации, осуществлявшейся полвека тому назад в открытой форме, а ныне — в завалированной. Однако Запад использует этот вызов себе в своих же интересах, перенацеливая его в сторону геополитических соперников, в данном случае — России. Концепции и практика создания «управляемого ислама», «большого Ближнего Востока», «старой и новой Европы» являются частями стратегии глобальной войны вполне симметричного характера (между государствами), вполне древней по целям и задачам — войны за ресурсы планеты. Россия все еще является самым ресурсным государством мира,

несмотря на распад СССР. Вовлечение ее в серию «конфликтов малой интенсивности» вдоль границ, раздвигание сепаратизма российских регионов с помощью союзных Западу арабских стран и Турции (также стремящихся реализовать за счет России свои интересы), фактическое поощрение терроризма с помощью применения к его оценке «двойных стандартов» — все это недружественные действия не столько Востока, сколько «золотого миллиарда», страшщегося конца эры «общества потребления». Конец «общества потребления» неизбежен при ограничении его ресурсной базы, а иное, возникшее на его руинах, общество не было бы настолько политически управляемым, как существующее. Недавром Наполеон, по его собственному высказыванию, не боялся ничего, кроме «революции желудка», т.е. бунта недокормленных масс.

Mutate nomine — цели властвующего (внутри страны или в мире в целом) не изменятся никогда: сохранение привилегий, приносимых властью, любой ценой, даже ценой войны. Войны, которую в 21 веке можно вести исподтишка, чужими руками и в «асимметричной форме».

¹ Неклесса А. Конец цивилизации или конфликт истории? // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 3. — С. 23.

² Впервые термин «асимметричная война» был употреблен в российской открытой печати доктором военных наук В. Слипченко в интервью газете «Известия» 1 ноября 2001 г. См. также Bishara V. L'ere des conflits asymetriques. // Le Monde Diplomatic. 2001. № 10.

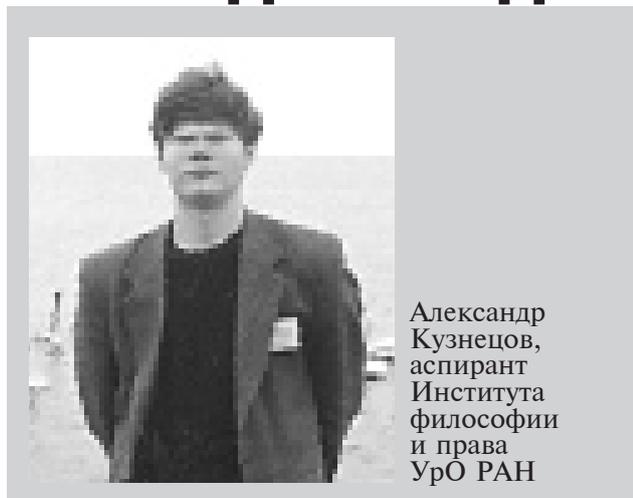
³ Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. — М.: Логос, 2000. — С. 134.

⁴ Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира. // Полис. — 2002. — № 1. — С. 36.

⁵ Мирский Г.И. «Политический ислам» и западное общество. // Полис. -2002. — № 1. — С. 41.

УЧАСТИЕ РЕГИОНОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ:

А.С. Кузнецов

Александр Кузнецов, аспирант Института философии и права УрО РАН

Современные процессы в мире, и в том числе в России, по мнению ряда ученых, формируются в контексте двух глобальных тенденций: глобализации и регионализации. Политическая жизнь стала, с одной стороны, характеризоваться усилением экономической и социальной интеграции, а с другой

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ

стороны, усилением требований регионов большей автономности и независимости в политической, социальной, экономической сферах. Взаимная обусловленность этих процессов привела к появлению неологизма «глокализация», указывающего на то обстоятельство, что решения, затрагивающие режим функционирования ведущих политических и экономических акторов, все в меньшей степени связаны с государственным регулированием, и все в большей — с теми силами, которые находятся на субнациональном и наднациональном уровнях. Одним из наиболее ярких проявлений регионализации стала тенденция увеличения вовлеченности субнациональных акторов в международные отношения. Проблема участия субнациональных акторов в международных отношениях (феномен, часто определяемый как парадипломатия,) является относительно новым в общем списке проблем, которые изучаются современной политической наукой.

Парадипломатия, одно из наиболее ярких проявлений процессов регионализации, получила свое развитие не только в современной России, но и